

Степан ВИДНЯНСКИЙ

ПРОЦЕССЫ НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НА БУКОВИНЕ В 1918 г., ЕЕ ВКЛЮЧЕНИЕ В СОСТАВ РУМЫНСКОГО КОРОЛЕВСТВА И РУМЫНИЗАЦИЯ АВТОХТОННОГО УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРАЯ

Важной частью национально-освободительной борьбы и общественно-политической жизни украинского народа с середины XIX в. было национальное движение русинов-украинцев Буковины, которое с началом XX в. значительно активизировалось и приобрело качественно новые черты, преобразовавшись в межвоенный период в ярко выраженное политическое движение. Вместе с тем оно имело немало особенностей, так как исторические и геополитические обстоятельства, сложившиеся на этой украинской земле после Первой мировой войны, существенно отличались не только от тогдашнего положения Приднепровья, но и соседних Галиции и Закарпатья, и в целом были крайне неблагоприятными для сохранения этнической самобытности украинского населения и реализации политических устремлений его лидеров.

Как известно, русинско-украинское население Буковины, попав под власть Молдавского княжества во второй половине XIV в., более четырехсот лет было оторвано от остального этнического массива украинства, а с 1774 г. эта территория вместе с Галицией входила в состав Австрийской монархии как отдельная административная единица. В 1849 г. Буковина под давлением румынских сил была отделена от Галиции и провозглашена коронным краем. Украинцы Буковины стали своеобразным этническим форпостом украинского народа на юго-западе и подверглись сильным ассимиляционным процессам. В частности, в начале XX в. Буковина была ярким примером полиэтнического региона, где тесно переплетались демографические и национальные, а следовательно, и политические проблемы и крайне

Доклад был зачитан на международной научной конференции «Присоединение Бессарабии к России в свете многовекового молдо-российско-украинского сотрудничества» (Кишинев, 1-5 апреля 2012 г.).

обострилось украинско-румынское противостояние. Именно от двух самых больших национальных групп края, румынской и украинской, которые через свои политические представительства заявили о праве на управление им, зависело будущее представителей других национальных групп Буковины и дальнейшая историческая судьба края в целом.

Согласно переписи 1910 г. на Буковине, например, проживал 305 101 русин (украинец), что составляло 38,38 % населения края. Румын насчитывалось 273 254 чел. (34,38 %). По сравнению с 1880 г. украинское население Буковины увеличилось на 65 411 чел. Однако удельный вес украинцев среди всего населения сократился с 42,16 % до 38,38 %, т. е. на 3,78 %, а удельный вес румын вырос по сравнению с 1880 г. на 0,95 %. По материалам переписи 1910 г. десятки сел, в которых проживало немало украинцев, превратились в «исключительно румынские», а во многих смешанных селах количество украинцев уменьшилось в несколько раз. Украинские политики, принимая во внимание массовость фальсификации показателей, требовали даже отменить результаты переписи. Но несмотря на то, что в переписи 1910 г. оказалось намного больше фальсификаций, чем в предыдущих, даже ею было зафиксировано, что накануне Первой мировой войны украинское население было самым многочисленным на Буковине. Причем в Северо-Западной Буковине украинцы составляли абсолютное большинство – 283,4 тыс., или 55 % всех жителей. Однако официальный Бухарест продолжал настаивать на доминирующей и определяющей роли румынской общины в крае как важном аргументе относительно «исторического права» Румынии на всю территорию Буковины.

В основе активных дипломатических усилий Румынии относительно Буковины лежала концепция «Великой Румынии» – объединения всех «румынских исторических провинций» в «унитарное национальное румынское государство». Присоединение Буковины к Румынии было неременным условием формирования «Великой Румынии». Эта идея интенсивно пропагандировалась и в стране, и за ее пределами. Вместе с тем румынское руководство хорошо осознавало, что добиться присоединения всей Буковины к Румынии будет очень сложно: во-первых, национальный состав на Буковине был не в пользу румын, а, во-вторых, среди самого румынского населения не было единогласия относительно будущей судьбы Буковины.

Во время Первой мировой войны Румыния достаточно успешно маневрировала военно-политической ситуацией для достижения своих государственных целей в борьбе за передел сфер влияния между великими государствами. Она умело использовала противоречия и

нарушенный войной статус-кво юго-западного региона Центральной Европы. В частности, в 1915 г. Россия вынуждена была согласиться на передачу Румынии почти всей территории Буковины, а в 1916 г. румынские руководители заключили политическую конвенцию со странами Антанты, которые, компенсируя предоставленные услуги, то есть вступление страны в войну против Австро-Венгрии и Германии, гарантировали Румынии статус-кво ее территории и право на Трансильванию, Буковину и Банат.

Когда в конце Великой войны среди многочисленных народов Австро-Венгрии усилилось национально-освободительное движение и активное стремление к государственному строительству, «буковинский вопрос» актуализировался в международном переговорном процессе и обострил противостояние между украинским и румынским национально-политическими лагерями Буковины. Так, 13 октября 1918 г. в Черновцах состоялась межпартийная конференция представителей всех украинских политических партий Буковины, которая в духе продекларированных президентом США В. Вильсоном так называемых «14 пунктов» провозгласила право украинского народа на самоопределение. В принятой резолюции румынскому населению Буковины как исконному доброму соседу украинцев предлагалось в мире и взаимопонимании провести этническое размежевание таким образом, чтобы северная украинская часть края вместе с главным городом Черновцами образовала отдельную украинскую область. За создание украинского автономного государства на территории Восточной Галиции, северо-восточной части Венгрии и северной части Буковины по р. Сирет высказывались и украинские представители от Буковины в австрийском парламенте. Наконец, с провозглашением во Львове 19 октября 1918 г. Западноукраинского государства, включавшего Восточную Галицию, Северо-Западную Буковину и Северо-Восточную Венгрию, четко определялось украинское будущее Буковины. В частности, в составе избранной Украинской национальной рады 25 октября был создан краевой комитет во главе с О. Поповичем, который обладал полномочиями самостоятельно решать «местно-краевые дела» и обеспечивать деятельность украинской власти на Буковине. Комитет в Черновцах развернул широкую работу по переизбранию государственной власти. В его составе были сформированы соответствующие комиссии: административная, народной обороны, финансовая, межнациональных отношений, редакция.

Активная работа украинских политиков, направленная на утверждение украинской государственности в заселенной украинцами северо-западной части Буковины, вызывала серьезную обеспокоенность в Бухаресте и в румынском национально-политическом лагере

в Черновцах, их не устраивал раздел Буковины по национальному признаку. Одновременно с идеологической обработкой населения правящие круги королевской Румынии с помощью пробухарестских политических деятелей Буковины во главе с богатым помещиком П. Фльондором создали 27 октября 1918 г. в Черновцах сборы Румынского национального совета, провозгласили их «конституантой», а всю территорию Буковины – «румынской землей», которая должна объединиться с остальными румынскими краями в национальное государство. Это вызвало резкую критику со стороны украинской общественности Буковины, в частности, студенческой молодежи, которая на своих сборах 28 октября осудила эти неправомерные посягательства на украинскую часть края.

Поскольку отношения между украинскими и румынскими национальными лагерями ухудшались, краевой комитет принял решение о проведении в Черновцах всенародного веча, которое и должно было решить будущее украинских земель Буковины. Буковинское вече состоялось 3 ноября 1918 г. при участии около 10 тыс. человек практически из всех городов, местечек и сел украинской части Буковины. На его заседаниях была выработана и в ходе итоговой манифестации провозглашена резолюция, в которой четко определялись требования украинцев Буковины относительно их государственно-территориального будущего. Исходя из права каждого народа на свое национальное самоопределение, вече определило отдельную от румынской части края украинскую национальную территорию, к которой принадлежали г. Черновцы, Заставновский, Кицманский, Вашковский и Вижницкий уезды, а также населенные пункты Черновицкого, Серетского, Радивецкого, Сучавского и Кимполунгского уездов, в которых украинское население составляло большинство; провозгласило верховную власть Украинской национальной рады во Львове над данной украинской территорией; пригласило представителей национальных меньшинств, которые проживали на украинских этнических землях, к сотрудничеству с УНР для обеспечения их прав; обязало УНР подготовить демократическую конституцию, согласно которой законодательные и исполнительные органы власти формировались бы соответственно национальному составу населения на основе общего тайного и прямого голосования всех совершеннолетних граждан независимо от пола; выразило решительный протест против румынских инспираций относительно украинских этнических территорий и намерений Румынии аннексировать всю Буковину, подтвердив одновременно отсутствие собственных претензий на земли, заселенные румынами. Лейтмотивом украинского краевого веча в Черновцах было стремление к соборности: «Вече желает присоединения австрийской части украинской земли к Украине».

Таким образом, исторические решения Буковинского народного веча были важным политическим актом на пути государственного самоопределения украинцев Буковины. Они стали руководством к действию для украинских политиков края, в частности, уполномочивали краевой комитет как составную часть УНР немедленно принять власть от последнего главы краевой австрийской администрации Й. Эцдорфа.

Размах украинской политической активности, масштаб и решения всенародного веча, а также пребывание на Буковине украинских сечевых стрельцов, которые решительно начали исполнять решения веча о переизбрании власти в Черновцах и на местах, стали серьезным препятствием для румынских планов аннексии края и напугали лидеров Румынского национального совета. Несмотря на начатые при участии Й. Эцдорфа переговоры между Украинским краевым комитетом во главе с О. Поповичем и демократической частью Румынского национального совета во главе с А. Ончулом о передаче власти украинцам в северной, а румынам – в южной части Буковины, уже 4 ноября 1918 г. к румынскому правительству в Яссах руководством РНС была направлена специальная делегация во главе с В. Боднареску с просьбой прислать военную помощь для «поддержания порядка» в Буковине. А уже на следующий день 8-я румынская дивизия под командованием генерала Я. Задика получила приказ занять Ицканы, Сучаву и оккупировать Буковину до р. Прут.

Мотивы оккупации Буковины королевской Румынией были сформулированы в подписанной 6 ноября 1918 г. генералом Задиком прокламации, распространенной 8 ноября над Черновцами с румынского военного самолета. В ней указывалось, что румынская армия вступает в Буковину «согласно высокому приказу короля Румынии Фердинанда I по приглашению Буковинского национального комитета» с целью «охраны жизни, имущества и свободы всех ее жителей без различия национальности и веры», и одновременно содержалось предостережение населению (очевидно, украинскому), что неповиновение и неуважение к новым порядкам «будут наказываться со всей строгостью». В тот же день румынские войска вступили в с. Глыбока, которое находилось уже в собственно украинской части Буковины. Члены Украинской национальной рады были в полной растерянности. Чтобы как-то сдержать продвижение румынских оккупационных войск, рада направила из Черновцов к румынскому командованию делегацию с нотой протеста. Не получив никакого ответа и учитывая отсутствие необходимых для сопротивления сил, руководство УНР начало эвакуацию. 10 ноября украинские воинские части оставили Черновцы и перешли на левый берег Прута, а на следующий день в

г. Кицмань переехали и члены УНР, где на основе местного уездного комитета создали краевой комитет, который, не будучи в состоянии противостоять румынской агрессии, просуществовал немногим более двух недель. 11 ноября в Черновцы вступили воинские части генерала Задика, который отдал приказ о полномочиях оккупационных войск. В частности, уже на следующий день был введен комендантский час, жителей обязали сдать имеющееся оружие, определялось местоположение жандармерии, была организована проверка «подозрительных лиц», особенно среди украинской интеллигенции, и т. д.

Таким образом, воспользовавшись сложной ситуацией в Буковине и за ее пределами, слабостью и незавершенностью нового национально-государственного образования, беззащитностью населения, Румыния при ограниченном контингенте войск (3 тыс. штыков и 24 пушки) до 11 ноября 1918 г. полностью оккупировала край, прервав в нем процесс украинского государственного строительства. Этот агрессивный акт был совершен вопреки воле украинского населения Северной Буковины, выраженной 3 ноября 1918 г. на Буковинском народном вече в Черновцах, воспрепятствовав ему реализовать свое законное право на национальное самоопределение и стремление к воссоединению со всем украинским народом. Правительство ЗУНР, чей территориальный суверенитет был нарушен оккупацией ее составной части – Северной Буковины, заявило протест Румынии, но не могло помочь буковинцам, так как Западноукраинское государство в то время вело оборонительные бои против польских войск. Правительство гетманской Украины, растерзанной большевиками и белогвардейцами, доживало последние дни и тоже не располагало реальной военной силой, чтобы стать на защиту своей уже фактически присоединенной территории. В то же время румынская аннексия не была в дальнейшем признана ни УССР, ни СССР. Не случайными, например, были в межвоенные годы многочисленные диверсии на территории Северной Буковины и в Хотинском, Аккерманском, Бендерском уездах Бессарабии боевиков Иностранного комитета ЦК КП(б)У, которые время от времени становились основанием для усиления репрессий румынской власти в отношении украинцев, проживавших на этих землях.

Потеря украинцами, прежде всего из-за внешнеполитических обстоятельств – поражения Центральных государств в Первой мировой войне, контроля над территорией, которая номинально вошла в состав Западноукраинской Народной Республики, позволила Румынии заявить и отстоять свои права на нее в длительной дипломатической борьбе на Парижской мирной конференции, которая поддержала экспансионистскую политику королевской Румынии. Сен-Жерменский

мирный договор с Австрией 10 сентября 1919 г. закрепил Северную Буковину за Румынией, а Севрский мирный договор 10 августа 1920 г. подтвердил и окончательно зафиксировал вхождение всей Буковины в состав Румынии и легитимность на этой территории румынской государственной власти. Государства Антанты, а также Италия и Япония признали составной частью Румынии Бессарабию, оккупированную румынскими войсками еще в январе 1918 г. В целом в результате присоединения территорий площадь и население Румынии увеличились более чем вдвое, причем этнические меньшинства составляли около 30 % от общего количества населения.

Уже на следующий день после оккупации Буковины члены Румынского национального совета создали президиум краевого правительства во главе с лидером румынских шовинистических кругов края П. Фльондором, который по требованию армейского руководства объявил осадное положение в семи буковинских уездах, а также в г. Черновцы. В то же время с первых дней оккупации Буковины усилия румынского правительства и фльондоровского окружения были направлены на юридическое оформление акта «объединения». С этой целью 23 ноября 1918 г. Комитет буковинских эмигрантов был передислоцирован румынским правительством из Ясс в Черновцы. На срочном заседании 25 ноября в состав Румынского национального совета был кооптирован сразу весь комитет эмигрантов в составе 54 человек во главе с И. Нистором – главным официальным идеологом «восточной политики» королевской Румынии, в работах которого обосновывалась концепция «исторического права» Румынии на Покутье, Бессарабию и всю Буковину, а также т. н. Транснистрию (земли между Днестром и Южным Бугом). После кооптации РНС принял решение создать конгресс буковинского народа, на котором «объединение» Буковины с Румынией было бы провозглашено в такой форме, которая представляла бы собой правовую основу.

Так называемый Генеральный конгресс Буковины был созван 28 ноября 1918 г. в Черновцах в Зале заседаний синода – резиденции буковинских митрополитов. Это собрание и его решения были, по мнению многих исследователей, нелегитимными, так как его делегаты никем не избирались, а были подобраны руководством РНС «по списку», а украинцы – наиболее многочисленное население края – в нем представлены не были, хотя были приглашены руководители немецкой и польской общин, гости из Бессарабии и Трансильвании. Сам конгресс проходил с грубым нарушением элементарных процедурных норм, в присутствии представителей оккупационных войск, в условиях осадного положения края и внешнего давления. В принятой резолюции, которая провозглашала «воссоединение Буковины с

Румынским королевством в старых ее пределах Черемош – Колочин – Днестр», речь шла только об исключительном праве румын и не упоминалось об автохтонном украинском населении края. Именно на основе этой резолюции 18 декабря 1918 г. румынское правительство издало закон-декрет о «воссоединении» Буковины с Румынией, который 31 декабря был утвержден королем.

Большинство украинского населения Буковины никогда не признавало законным захват королевской Румынией Северной Буковины, считало его временным явлением и в разных формах выражало недовольство, протест и даже сопротивление ненавистному оккупационному режиму в крае. Например, в петиции Украинской национальной рады от 11 июля 1927 г. в Лигу Наций, направленной «против румынского правительства по причине несоблюдения им международных соглашений относительно украинского населения и по причине невыносимого положения, созданного для этого населения румынской властью», были обстоятельно изложены убедительные факты «постоянных нарушений основных прав украинцев и унижения украинской нации властью, которые имели место во время аннексии вышеупомянутых территорий (особенно Буковины) в пользу Румынии». По мнению современников, «украинский вопрос» стал общепризнанным дестабилизирующим фактором политики правящих кругов Румынии в межвоенные годы, так как в результате румынской аннексии украинских земель образовалась противодействующая сила, которая стала детонатором послевоенных изменений всего румынского общества.

Румынский оккупационный режим в Буковине был самым суровым среди всех режимов, установленных на захваченных соседними государствами после Первой мировой войны западноукраинских землях, в частности, польского – в Галиции и тем более чехословацкого – в Закарпатье. Все бывшие автономные права Буковины были отменены, а край превращен в провинцию Румынии. В основе начатой Бухарестом одновременно с аннексией Буковины административно-территориальной реформы было стремление румынского правительства унифицировать административную структуру и систему управления посредством ликвидации малейших признаков самостоятельности края, а принятая в марте 1923 г. новая конституция Румынии окончательно закрепила унитарный характер государства. При этом представители оккупационных властей исходили из того, что «Бессарабия и Буковина – искусственные образования австрийского и российского происхождения... В Румынии они не имеют никакого права на существование». Вместо таких отдельных административных территорий, как Бессарабия, Буковина, Валахия и т. д., были созданы

10 цинутов (провинций). В 1918-1928 и 1937-1940 гг. на Буковине было введено непрерывное осадное положение: ограничивалось свободное передвижение граждан, запрещалось проведение собраний и манифестаций, вводились цензура и трибунал. В брутальной форме осуществлялась насильственная румынизация украинцев края: ликвидировались украинские школы (уже в 1920 г. в крае были закрыты 84 украинские школы, а к 1927 г. их не стало вообще) и кооперативы, запрещалось употребление украинского языка, названия украинских населенных пунктов в соответствии со специальным декретом румынского правительства от 21 июля 1919 г. менялись на новые – румынские, украинцев заставляли менять свои фамилии и имена на румынские, производились аресты представителей украинской интеллигенции и священников (сразу же после оккупации в тюрьме Черновцов оказалось более полутысячи известных деятелей украинского происхождения), были установлены жесткий контроль и полицейская слежка за «подозрительными» личностями и т. д.

В новоприсоединенные украинские города и села следом за румынскими оккупационными войсками из глубины старого королевства прибывали «проверенные румынские патриоты» - представили новой румынской администрации, руководители и специалисты, жандармы, военные, священнослужители, преподаватели лицеев, университетские профессора, обслуживающий персонал. Начался массовый процесс отстранения украинцев от должностей, которые они занимали при Австро-Венгерской империи в таких регионах, как Буковина, Мараморошина, Банат и Добруджа, а также при царской России – в Бессарабии, и их замена вновь прибывшими специалистами из Румынии. Например, примарами, то есть мэрами городов, председателями сельских советов, государственными служащими всех рангов, руководителями предприятий и учреждений, жандармерии и полиции, ректорами Черновицкого университета, директорами лицеев, гимназий и начальных школ, других культурных учреждений всех населенных пунктов регионов компактного проживания этнических украинцев назначались, как правило, румыны – выходцы из Старого королевства. Так, декретом-законом короля Румынии Фердинанда I от 23 сентября 1919 г. Черновицкий университет, начиная с 1 октября того ж года, был провозглашен румынским, и первым его ректором стал активный борец за присоединение Северной Буковины к Румынии профессор И. Нистор. В университете было внедрено преподавание исключительно на румынском языке, а студентами могли стать только его носители, что стало грубым актом дискриминации по отношению к украинской молодежи (в конце 1930-х гг. в университете обучалось всего 53 студента-украинца, или 2,9 % от общего числа

студентов). О тотальной румынизации этого когда-то престижного высшего учебного заведения европейского уровня свидетельствует и факт закрытия в 1923 г. успешно действовавшей при Австро-Венгрии кафедры украинистики.

Конкретными признаками политики румынизации в местах компактного проживания этнических украинцев стали также следующие явления: введение десятилетнего (1918-1928 гг.) военного положения в Буковине и Бессарабии, что парализовало возможность какой-либо деятельности по поддержке и развитию украинской национальной идентичности в этих районах; появление в общественных местах, государственных учреждениях, судах, учебных заведениях и на улицах городов и сел многочисленных надписей «Vorbiți numai românește» («Разговаривайте только на румынском языке») с одновременным осуществлением румынскими властями карательных мер по отношению к тем украинцам, которые осмеливались говорить на родном языке; резкий перевод всей системы оформления документации на румынский и внедрение этого языка как единственного официального во всех органах власти и в учреждениях; ликвидация бывшей сети периодики, в том числе и украинских печатных изданий, и учреждение новых, исключительно румынских средств массовой информации; назначение в украинские парафии румынских священников и ведение церковной службы только на румынском языке (кстати, Румынская православная церковь благодаря своему господствующему статусу в значительной степени содействовала изменению украинской национальной идентичности на румынскую).

Насильственная румынизация украинского крестьянства осуществлялась также посредством проведения начатой в 1920 г. на территории Бессарабии и в 1921 г. на Буковине аграрной реформы, главной целью которой был подрыв экономической независимости сельского населения украинского происхождения и колонизация этих районов румынскими переселенцами. Так, местным крестьянам выделялось от 4 до 6 га земли, а колонистам – до 10 га, что поощряло массовый переезд этнических румын на оккупированные территории. Кроме того, одним из условий получения земли была принадлежность крестьян к румынской нации, что вынуждало многих украинцев записываться румынами.

О кардинальных изменениях в положении украинцев во времена Австро-Венгерской империи и в Румынском королевстве свидетельствует выступление руководителя делегации украинских женских организаций Буковины Ольги Гузар на Первом съезде женских обществ – представителей национальных меньшинств Румынии, прошедшем в октябре 1925 г. в Бухаресте. Так, в переданном органи-

затарам съезда меморандуме отмечалось, что на территории Северной Буковины компактно проживало не менее 320 тыс. украинцев, которые во времена Австро-Венгрии имели 808 учебных заведений с преподаванием на родном языке, в том числе 4 украинских лицез, 3 учительских семинарии, 1 школу по подготовке специалистов деревообрабатывающей промышленности, 800 начальных школ и гимназий, а также около 1000 культурных обществ и союзов. «Эти культурные достижения украинцев, - подчеркивалось в меморандуме, - систематически уничтожал румынский режим, о чем свидетельствует следующее: во всем крае нет теперь ни одной начальной, средней или высшей школы с украинским языком преподавания... Украинской молодежи греко-католического вероисповедания, которая составляет большинство учеников, даже религия не преподается на украинском языке». А еженедельник украинской эмиграции «Тризуб» от 22 января 1928 г. писал о том, что в Румынии на то время проживало не менее 1,5 млн украинцев, в том числе в северной части Буковины – 400 тыс., на территории Бессарабии и Добруджи – 600 тыс. и на Мараморощине – 100 тыс. чел. «Сейчас, - отмечалось в издании, - на всех этих украинских землях нет ни одной украинской школы. Даже преподавание религии ведется на непонятном для населения румынском языке».

Интересно отметить, что факт насильственной румынизации украинского населения в межвоенные годы признают и сами румынские исследователи. Показательной в этом плане является работа главного редактора «Румынского журнала по вопросам прав человека» Г. Андреску под названием «Нации и меньшинства», изданная в 2004 г. в Бухаресте. В ней, в частности, говорится: «В рамках кампании румынизации в начале 30-х годов румынское правительство закрыло школы, газеты и учреждения культуры украинцев. В общественной жизни украинский язык был запрещен, а нарушение соответствующего закона предусматривало вмешательство полиции. Украинцы были названы «румынами, которые забыли родной язык». А румынский автор украинского происхождения Д. Гренчук в своем двухтомном исследовании «Последовательность и изменения: интеграция национальных меньшинств исторической Буковины в королевство Великая Румыния (1918-1940 гг.)», изданном в 2005 и 2007 гг., утверждает, что «буковинские украинцы не согласились с объединением Буковины с Румынским королевством 28 ноября 1918 г.», и поэтому для них период 1918-1928 гг. «стал этапом глубоких преобразований в политическом, социальном, образовательно-воспитательном, духовном и ментальном плане, в сравнении с существовавшими реалиями в период Австро-Венгерской империи». В результате этих преобразований уже в начале румынского господства украинское население

региона резко сократилось – с 38,4 % в 1910 г. до 28 % в 1919 г. Среди причин этого негативного для украинского этноса явления автор называет «колонизацию территории между Прутом и Днестром румынскими семьями», а также регистрацию гуцулов на протяжении межвоенного периода как отличную от украинцев национальность.

Таким образом, румынская власть с первых дней оккупации Буковины осуществляла здесь системную политику румынизации, направленную на принудительную ассимиляцию автохтонного украинского населения. Весь потенциал государственно-пропагандистского аппарата Великой Румынии, ее образовательно-воспитательной системы, церкви, средств массовой информации, правоохранительных органов, армии и т. д. был направлен на навязывание политического, экономического, культурного, психологического, этнического и конфессионального господства титульной румынской нации над национальными меньшинствами, в частности, украинцами, центра - над регионами, столицы - над провинциями.

Эта политика еще более усилилась в конце 30-х – начале 40-х гг. XX в. - во времена диктатуры короля Кароля II и военно-фашистского режима маршала И. Антонеску. Она последовательно осуществлялась Румынией на временно оккупированных в годы Второй мировой войны украинских территориях, особенно в так называемой провинции Транснистрия. Ассимиляторскую политику в отношении украинского меньшинства проводило и руководство социалистической Румынии в послевоенные годы, особенно во времена правления Н. Чаушеску. К сожалению, процесс ассимиляции украинцев Румынии (по официальным данным переписи 2002 г. их насчитывалось 61,4 тыс. чел.) продолжается и после свержения коммунистического режима, несмотря на то, что в современной Румынии был принят ряд законодательных актов, которые формально обеспечивают права и свободы национальных меньшинств, а в 2007 г. страна стала полноправным членом Европейского Союза. В то же время Румыния периодически обращается к международному сообществу с жалобами на якобы имеющие место нарушения прав и свобод румынского населения в соседних государствах, в том числе и в Украине, при этом проводя там прорумынскую политику, граничащую с вмешательством во внутренние дела суверенного государства.

**Игорь БАРИНОВ,
Иван СТРЕЛКОВ**

БУДУЩЕЕ БУКОВИНЫ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ*, УКРАИНСКИХ И РУМЫНСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1919 г.

Парижская мирная конференция, открывшаяся после завершения Первой мировой войны, стала новым этапом передела мира. На ней вопрос стоял о будущем не только крупных и богатых природными и экономическими ресурсами территорий, таких, как Рур или Силезия, но и регионов, значительно меньших по площади и менее значимых для мировой политики. Одним из таких регионов была Буковина.

Для лидеров стран-победительниц она была отдаленной и малозначимой областью. Однако для представителей «белого» движения, украинцев и румын вопрос о Буковине был весьма важным. Для правительства Колчака уступка Буковины, которую дважды в ходе войны занимали русские войска, означала неприятный прецедент, мешающий делу воссоздания единой и неделимой России. При этом, во-первых, необходимо иметь в виду, что основной задачей «белых» было договориться с союзниками по гораздо более важным политическим и территориальным вопросам; во-вторых, Россия никогда не владела Буковиной. Для украинских националистов потеря края стала бы серьезным ударом как по их политической программе, так и по созданию независимого единого украинского государства и единой украинской этнополитической идентичности. Для румын присоединение Буковины являлось важным фактором на пути осуществления концепции «Великой Румынии» (*România Mare*), основанной на максимальном расширении границ за счет со-

* Под русскими предложениями в данной статье понимаются требования Российского правительства Колчака и его представителей за границей.

предельных территорий под лозунгом борьбы за национальное объединение.

В данной статье проведен анализ взглядов русских, румынских и украинских политиков на будущую принадлежность Буковины. Цель — показать основы каждой из концепций, сравнить их, определить их реальное значение. В основу статьи положены как опубликованные, так и архивные документы. Впервые введенные в научный оборот документы, характеризующие позицию «белых», находятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фондах Р-200 (Министерство иностранных дел, Омск) и Р-5834 (Военно-исторический и статистический комитет при Русском политическом совещании в Париже). Эти проекты предполагалось представить Парижской мирной конференции для установления послевоенной русской границы. Полезным источником, характеризующим взгляды пророссийски настроенной части русинской общественности, которая смотрела на славянское население Буковины как на своих соплеменников, является газета «Карпаторусское слово», выходившая в Омске с конца 1918 г. В целом выбранные источники позволяют осветить обозначенную проблему должным образом.

Буковина: к предыстории вопроса

Изначально Буковина входила в состав Киевской Руси, в середине XIV в. была присоединена Венгерским королевством, однако вскоре перешла под власть Молдавского княжества. В XVI в. Молдавия и, следовательно, Буковина попали в зону влияния Османской империи. В ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Буковину заняли русские войска, а в 1775 г. ее уступили Австрии. Немецкий историк Ханнес Хофбауэр указывает, что австрийское правительство фактически купило Буковину, раскинув «широкую сеть взяточничества»: так, молдавский господарь Григорий Гика пытался воспрепятствовать намерениям Вены, предложив русскому фельдмаршалу Румянцеву «православную стратегию взамен римско-католической экспансии» в Буковине, однако фельдмаршал не принял предложение господаря¹. Для обозначения статуса новоприобретенной территории были специально введены понятия «Австрийская Молдавия» и «Турецкая Молдавия», но уже в 1786 г. Буковина была присоединена к Галиции и превратилась в глухую австрийскую провинцию, которой долгое время никто не интересовался.

Наметившийся после революций 1848-1849 гг. подъем самосознания и национального движения русинов, восточно-славянского населения Австрийской Галиции, сразу принял противоречивый характер. Русины по сути оказались между двумя центрами тяготения – монархией Габсбургов и Россией. По мере уменьшения революционной эйфории у галицийского и буковинского населения этнический фактор постепенно начал подкрепляться политической составляющей, а именно - принадлежностью к «москвофилам» (ориентированным на Россию и единение с великороссами) или «украинофилам» (ориентированным на Австрию и создание собственного национального государства с привязкой к топониму «Украина»). Стоит отметить, что у буковинцев вопрос политической принадлежности не стоял так остро, как у галичан, хотя украинские националисты впоследствии и подчеркивали приверженность буковинцев украинской идее². Требования румынского населения края сдерживались политикой имперского правительства, не в последнюю очередь из-за наличия в Буковине значительного немецкого меньшинства. Современники нередко сравнивали главный город провинции – Черновцы – с Веной. При этом ни германизации, ни славянизации края не проводилось³. Австрийская литература тех времен писала об этническом составе Буковины очень размыто, хотя и отмечала, что румыны на ее территории стали появляться только по окончании татаро-монгольского нашествия в XIV в., когда самостоятельной Румынии еще не существовало на карте Европы⁴.

Между тем в Трансильвании и других областях Австрии проживало порядка трех миллионов румын, положение которых не могло не заботить правительство Валахии, освободившейся от турецкого сюзеренитета и также охваченной национальным подъемом. Однако, согласно данным на 1910 г., в Буковине проживало, без учета других народов, примерно поровну русинов и румын (305,1 тыс. и 273,9 тыс. чел. соответственно)⁵, т. е. край не мог быть однозначно привязан к тому или иному этносу. При этом незначительная разница в пользу украинцев впоследствии многократно подчеркивалась представителями украинского движения наряду с тезисом об использовании русинского языка в Буковине наравне с немецким⁶.

Еще в начале XX в. территории Австро-Венгрии, населенные русинами, стали своего рода местом притяжения для многих деятелей украинофильского движения, не имевших возможности легально печататься в Российской империи из-за подозрения их

в сепаратизме. Именно в это время некоторые видные деятели движения выдвинули требование создания независимой украинской державы, в состав которой они включали австро-венгерские Галицию, Буковину, Холмщину и Подкарпатье, а также некоторые территории Южной России (в том числе Кубань и Северный Кавказ). Такой явный антагонизм России был обусловлен не только устремлениями националистов, но и австрийской пропагандой, объявлявшей русинов-украинцев и русских «различными во всех отношениях народами»⁷. После Февральской революции и образования Украинской народной республики (УНР), а затем – заключения сепаратного Брестского мира с Германией в январе 1918 г. украинофильское движение обрело, как казалось его представителям, реальную возможность для собирания всех прежних украинских земель в рамках одного государственного образования. В то же время, на исходе Первой мировой войны, 27 октября 1918 г. в Черновцах состоялось Народное собрание румын Буковины, которое приняло решение о создании Национального Совета Буковины⁸. Украинцы в свою очередь 3 ноября объявили о вхождении большей части Буковины в состав УНР. Однако решение украинского собрания не имело под собой реальной силы: в УНР, находившейся под властью гетмана Скоропадского, назревал политический кризис в связи с поражением Австро-Венгрии и Германии. Румыния же двинула в Буковину войска, в результате чего 11 ноября Черновцы были заняты румынами, а уже 15 ноября Всеобщий съезд Буковины, на котором румынские депутаты обладали большинством, объявил о вхождении края в состав Румынского королевства⁹. Окончательно Буковина была закреплена за Румынией по Сен-Жерменскому договору в 1920 г. Впоследствии румынское правительство не признало украинцев Буковины как нацию – официально они стали именоваться «гражданами румынского происхождения, забывшими родной язык»¹⁰.

Буковина и Белое движение

Политики и дипломаты Белого движения рассматривали вопрос о будущем Буковины как составную часть общей дискуссии о послевоенных границах России и ее новом международном положении. Эта дискуссия велась как собственно «белыми» политиками (преимущественно в Омске), так и крупными фигурами русской эмиграции, организовавшими в конце 1918 г. Русское политическое совещание в Париже (*далее – РПС*), и шла в рамках

подготовки к участию русской делегации в Парижской мирной конференции. Ее задачей была выработка и представление союзникам как общих принципов внешней политики Белого движения, так и конкретных предложений по разрешению спорных территориальных вопросов.

«Белые» не признавали Брестский мир и считали Россию полноправным членом Антанты. Однако они не могли не видеть, что после двух русских революций 1917 г. и завершения мировой войны международная обстановка, в которой заключались столь важные для России договоры, существенно изменилась. Европа к востоку от Одера представляла собой конгломерат новых государственных образований, находившихся в процессе самоопределения. Не считаться с этим, говоря о новых границах, было невозможно.

В омском министерстве иностранных дел еще в январе 1919 г. был подготовлен специальный доклад «К вопросу о самоопределении народностей». Его автор — славянофил, управляющий делами II политического отдела В.И. Язвицкий. В докладе автор не отрицал права нации на самоопределение, однако указывал, что национальный интерес не имеет определяющего значения при определении границ¹¹. Государство, считал Язвицкий, формируется на основе экономических, а не национальных интересов населения той или иной территории. Поэтому идея самоопределения была представлена как «идеалистическая надстройка» над экономическими отношениями и интересами.

В тезисном виде отношение «белых» политиков к самоопределению народностей было отражено в докладе министра иностранных дел Российского правительства Ю.В. Ключникова*. В этих тезисах право на полную независимость признавалось только за народами, имевшими ранее свою прочную государственность, но утратившими ее в ходе истории¹² (здесь легко угадывается Польша). Остальным позволялась только автономия. Очевидно, что за подобными теоретическими изысканиями скрывалось желание обойти принцип самоопределения народов. Новые границы, по мнению омского МИДа, должны были в первую очередь отвечать интересам единой России. Такая общая концепция не мешала «белым» применять принцип

* Ключников Юрий Вениаминович — российский и советский юрист, специалист в области международного права. В ноябре-декабре 1918 г. возглавлял МИД Российского правительства адмирала Колчака. С 1919 г. был в эмиграции, в 1923 г. вернулся в СССР. Репрессирован в 1938 г.

самоопределения народов при разрешении конкретных пограничных вопросов как один из аргументов. Так вышло и в случае с Буковиной. В докладе, подготовленном военно-историческим комитетом при РПС, эта бывшая австрийская область была показана в трех аспектах — географическом, историческом и этнографическом. Географический обзор не дал автору доклада возможности говорить о Буковине как об отдельной области с точки зрения топографии: отмечалось, что она имеет лишь одну естественную границу — Карпаты на юго-западе¹³. Прошлое Буковины говорило в пользу того, что вся или большая часть области должна отойти Румынии¹⁴.

И здесь в качестве решающего был выбран этнографический фактор¹⁵. В докладе приведены демографические данные за 1887 г., по которым из всего населения Буковины, составлявшего 627 786 жителей, 42 % относили себя к русинам, 32,5 % - к румынам¹⁶. Характерно, что комментарий к этим данным безапелляционно ассоциирует русинов с русскими, а румын — с молдаванами. В докладе не указаны какие-либо данные о районах с преобладанием русинского или румынского населения, но разграничение предполагалось провести по водоразделу рек Серет и Прут¹⁷. В целом это соответствует данным австрийской карты, составленной на основе переписи 1910 г., где к северу от водораздела указано преимущественно русинское население, а к югу — румынское.

Отметим, что такой исход был бы не только справедлив с точки зрения этнографии, но и удовлетворил бы стратегические интересы России в этом регионе, так как она получила бы Черновцы и Залещики — важные транспортные узлы¹⁸. Таким образом, и государственный интерес, который, судя по работам омских теоретиков, являлся основополагающим при проведении границ, был вполне учтен.

Нетрудно заметить, что доклад содержит ответ только на вопрос о линии русско-румынской границы в Буковине. Условия вхождения края (точнее, его части) в состав России не оговорены. Разработка этих проблем просто не предусматривалась полномочиями комитета: по указанию А.И. Деникина он должен был подготовить русскую позицию по границам, режиму морей, проливов и по союзнической помощи ВСЮР¹⁹.

Если предположить, что «белые», по крайней мере, теоретически допускали в отношении Украины культурную автономию, то вполне вероятно, что такая автономия распространилась бы и на Буковину. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что в

качестве одного из главных условий раздела Буковины «белые» называли предоставление национально-культурных прав тем русинам (по их терминологии - русским), которые окажутся в Румынии, и тем румынам, которые окажутся в России²⁰. Было бы странным и опасным, если бы в Румынии русины признавались национальным меньшинством с определенными правами, а в России — нет.

В определенной степени такое предположение можно подкрепить и позицией Центрального карпаторусского совета*, действовавшего с октября 1918 г. сначала в Челябинске, потом в Омске. Согласно декларации совета от 5 октября 1918 г., съезд высказался за единство России и Малороссии, включая Угорскую и Буковинскую Русь²¹. Право определения статуса этих территорий съезд, вполне в духе Белого движения, делегировал грядущему Всероссийскому учредительному собранию, но настаивал на уважении к культурно-национальным особенностям украинцев и русинов «в будущей свободной России»²². В резолюции Второго съезда карпаторусов, прошедшего в апреле 1919 г. в Омске, содержится ясное требование не только культурной автономии, но и прав самоуправления для края²³.

Стоит сказать несколько слов о таком понятии, как «украинец». В терминологии Карпаторусского совета оно имело, кроме общепринятого сегодня, и иной смысл, отражавший не столько этноним, сколько политическую ориентацию. Так, Д.А. Марков, карпаторусский делегат Парижской мирной конференции, в своем выступлении заявил, что Прикарпатская Русь желает воссоединения с Россией, а не с Украиной, подчеркнув искусственное происхождение русофобских настроений в регионе, возвращенных австрийской пропагандой²⁴. Более корректным понятием для обозначения украинского народа карпаторусы считали этноним «малоросс». Разница между сугубо этнографическим понятием «малоросс» и политическим понятием «украинец» хорошо показана в докладной записке Карпаторусского совета от 5 ноября 1918 г. В ней говорится о том, что малороссов в Прикарпатской Руси всего около 5 млн, но часть себя относит к русским, а часть - к украинцам²⁵. «Украинская» ориентация части малороссов объяснялась в записке двумя причинами — все той же австро-германской пропагандой и политикой Петербурга по отношению к украинскому языку²⁶.

* Совет образован на Учредительном съезде в октябре 1918 г. в Челябинске, где существовала карпаторусская община. Председатель совета — А.В. Копыстьянский.

Таким образом, Белое движение и сочувствовавшая ему часть карпаторусской интеллигенции высказывались за присоединение к России части Буковины с преимущественно славянским населением. Возможно, в составе России область ожидала автономия. Однако русская дипломатия, поддержавшая «белых», в 1918-1919 гг. потерпела крах. Ей не удалось добиться участия в Парижской мирной конференции. Версальский мир был подписан без России. Поэтому неудивительно, что Антанта, закрыв глаза на куда более важные требования антибольшевистских сил, не решила буковинский вопрос в ее пользу. После военного поражения «белых» фронтов этот вопрос временно отпал сам собой.

Буковина как объект румынских и украинских притязаний

Позиция румын по отношению к Буковине в целом характеризуется двумя чертами. Во-первых, ее отличает стремление обосновать принадлежность области к Румынии исключительно на данных истории, отталкиваясь от утверждения, что Буковина всегда являлась частью исторической Молдавии²⁷. Во-вторых, румыны претендовали на присоединение всей территории Буковины. Это видно на примере резолюции Всеобщего съезда Буковины (28 ноября 1918 г.), объявившего о ее присоединении к Румынскому королевству. Текст резолюции содержит историческую информацию, представляющую Буковину как сугубо румынскую территорию. В ней сказано, что Буковина до своего присоединения к Австрии в 1774 г. всегда была неотъемлемой частью Молдавского княжества²⁸. История же Буковины под австрийским владычеством представлена как история трагедии части румынского народа, история подавления его национальных и религиозных прав (вплоть до самых элементарных), история борьбы румын Буковины против поработителей²⁹. В этой же связи румынские исследователи подчеркивают, что русины (украинцы) были меньшинством еще в XVIII в., а сложившаяся к началу XX в. в Буковине этническая картина являлась результатом непоследовательной политики Габсбургов³⁰.

Характерно, что заключение резолюции, наряду с постановлением о воссоединении всей Буковины с Румынией, имеет также и пожелание по поводу «возвращения» Бессарабии³¹. О наличии на территории Буковины нерумынского населения в резолюции, сочиненной в модном для того времени духе защиты «прав угнетенных наций», нет ни слова.

Претворение в жизнь такой концепции могло иметь два следствия. Первое было открыто высказано в самой резолюции — присоединение к румынскому государству всей Буковины. Второе следствие можно определить как игнорирование русинского населения области как этнической группы. Такая политика осуществлялась в румынской Буковине в 1920-1940 гг. Восточнославянское население региона официально обозначалось как «румыны, забывшие родной язык». На практике это вылилось не только в закрытие украинских школ, но и в запрет использовать украинский язык в быту³². Проявления украинского самосознания квалифицировались как «украинский империализм»³³.

В феврале 1919 г. возглавивший Директорию УНР Симон Петлюра открыто выразил претензии украинцев к Румынии и даже призвал жителей Бессарабии сопротивляться румынским властям или бежать на территорию Украины³⁴. В марте 1919 г. представителями УНР был озвучен новый протест в отношении присоединения Буковины к Румынии из-за наличия в ней значительной массы русинского населения, которое должно было влиться в независимую Украину³⁵. С другой стороны, в отличие от румын, украинцы признавали как наличие двух главных наций (русинов и румын) на территории Буковины, так и существование районов с преобладанием румынского населения³⁶. Украинские идеологи доказывали своим потенциальным союзникам по Антанте, что украинцы никогда не были ориентированы на Германию³⁷, что Буковину еще в стародавние времена населяли славянские племена тиверцев и к Румынии она не имеет никакого отношения, что староукраинский язык даже использовался в румынском богослужении³⁸, а молдавская церковь управлялась украинским митрополитом³⁹. Кроме того, они подчеркивали, что Румыния по договору от 17 августа 1916 г. со странами Антанты якобы признавала «украинский характер» Буковины, и протестовали против ареста буковинских интеллигентов-русинов⁴⁰. При этом за пропагандистской шумихой стоял конкретный политический интерес — украинцам необходимо было убедить Антанту в том, что только независимая единая Украина может уберечь Европу от большевизма, а также превратиться в плацдарм для наступления на него. Однако чаяния украинских националистов были перечеркнуты событиями в самой Европе, когда 21 марта 1919 г. возникла советская республика в Венгрии, продемонстрировав недейственность УНР в качестве «защитного барьера», о котором украинская дипломатическая миссия в Великобритании несколько месяцев спустя писала в Палату общин⁴¹.

В то же время британское министерство иностранных дел удивляла столь активная деятельность УНР, которая фактически не была признана Антантой из-за заключения сепаратного мира с Германией. В министерском справочнике по Украине высказывается версия, что украинцы были уверены в обратном по причине прибытия в декабре 1917 г. в Киев миссии союзников⁴². Просчетом украинских представителей было и своего рода калькирование их предыдущих наработок, сделанных под покровительством Германии и Австрии, с похожих материалов, направлявшихся уже странам Антанты. Характерным примером является меморандум посла УНР в США Юлиана Бачинского, акцент в котором делается не на политические аспекты, а на расово-этнические и экономические категории⁴³, подходившие для Германии, но не для США. В том же меморандуме проявился и политический идеализм деятелей украинского движения, подчеркивавших тот факт, что, хотя Румыния, как и УНР, заключила сепаратный мир с Центральными державами, но продолжала поддерживать Антантой⁴⁴.

Не стоит также забывать, что в это время войска Директории УНР сражались одновременно с Красной армией, «белыми» войсками и отрядами махновцев и едва ли могли повлиять на положение в Европе. Кроме того, представители Антанты понимали, что большевики рано или поздно захватят Украину, следуя заявлению Льва Троцкого о том, что Россия не сможет существовать «без украинского угля, железа, руды, хлеба, соли, Черного моря»⁴⁵. В этой связи ориентация на Румынию и Польшу как на наиболее надежных партнеров была для Антанты самым простым вариантом⁴⁶.

Мы рассмотрели три подхода к будущему Буковины. Позиция «белых» правительств по Буковине была основана на представлении о ней как о регионе, сложном с точки зрения разграничения. Эта сложность определялась как историческим прошлым Буковины, так и характером ее населения и даже, пусть и в меньшей степени, топографическими условиями. «Белые» признавали культурно-исторические права Румынии на эту территорию, однако указывали на то, что она примерно поровну населена двумя народами — русинами и румынами. Таким образом, «белые» видели решение проблемы, во-первых, в разделении области по этнографическому признаку между Россией и Румынией, а во-вторых - в предоставлении культурных прав тем русинам и румынам, которые все же окажутся в этнически чужом государстве.

Слабость позиции «белых» состояла в нечетком определении славянского населения Буковины, которое разные документы относили то к русским, то к украинцам, то к русинам. Это было большим минусом в глазах союзников, естественно, плохо знакомых с этнографическими нюансами восточного славянства. Не добавляло это определенности в отношениях «белых» и с самими украинцами.

Другой просчет «белых» был связан скорее с их общей позицией по международному вопросу. С.Д. Сазонов*, привыкший считать себя представителем Великой России, забывал, что политическая значимость белогвардейских государственных образований была ничтожна, и никто на международной арене не считал «белую» Россию великой державой авансом, памятуя о якобы скором ее возрождении. В этой связи державы Антанты в лучшем случае хотели решить массу проблем, связанных с Россией, как можно быстрее, а в худшем — откровенно воспользоваться ее слабостью. Так, Уинстон Черчилль в своем труде «Мировой кризис» откровенно писал, что гражданская война в России давала союзникам «благоприятные возможности»⁴⁷. «Белые» не имели никаких реальных шансов повлиять на ситуацию в Буковине и установить там какую-либо власть. Поэтому Антанта считала непрактичным ориентироваться на них.

Румынская концепция основывалась на исторических данных. Согласно ей, Буковина должна была принадлежать Румынии, так как она исторически, по меньшей мере до 1774 г., была частью румынских государственных образований. Вопрос об этнографии области румынами не поднимался, так как население там считалось этнически однородным. Экономические, географические, стратегические данные и доводы также отсутствовали.

Украинцы, не имевшие в прошлом своего государства, во всяком случае, такого, которое было бы известно на Западе (по словам К. Лосского-Вышевича, Антанта вообще была несведуща в делах Восточной Европы⁴⁸), не могли утверждать, что Буковина — часть украинской государственной территории, поэтому они, как и русские, опирались на этнический признак. При этом они, как и румыны, рассматривали Буковину как однородную с точки зрения населения область, хотя еще во времена Австро-Венгрии депутат от Буковины предлагал решить ее будущее путем плебисцита⁴⁹. Таким образом, можно заключить, что, в то время как

* Сазонов Сергей Дмитриевич - русский министр иностранных дел (1910-1916), с января 1919 г. — министр иностранных дел Российского правительства.